

УДК 324, 328, 329

Николай КАВЕШНИКОВ

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРОСОЮЗА НА ОРГАНИЗАЦИЮ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЕВРОПАРЛАМЕНТА

Аннотация. В статье на основе результатов выборов в Европейский парламент (ЕП) 2019 г. исследована трансформация партийно-политического пространства Евросоюза и изменение паттернов межпарламентского взаимодействия в ЕП. Сделан вывод о формировании в ЕС общего партийно-политического пространства, проведен комплексный анализ его основных характеристик. В ЕП возникло двумерное пространство политической самоидентификации: классическая право-левая ось дополнена полностью сформированной осью “сторонники углубления интеграции – евроскептики”. Прочие параметры самоидентификации депутатов играют вспомогательную роль. Показано, что формирование устойчивой оси “сторонники углубления интеграции – евроскептики” ведёт к размыванию существующей в ЕП консенсусной культуры. Усложнение политического ландшафта ведёт к большей гибкости межпарламентского взаимодействия в ЕП. Вместо устойчивых союзов в ЕП все большую роль будут играть различные ad hoc коалиции по конкретным вопросам. С учетом нового баланса сил между ЕП вряд ли сможет играть традиционную роль самого проинтеграционного института ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, Европейский парламент, политические партии, выборы, функционирование ЕП, межпартийное взаимодействие в ЕП, коалиции в ЕП.

Выборы в Европейский парламент (ЕП) 2019 г. привлекли большое внимание экспертов. Причина этого, с одной стороны, в увеличении воздействия ЕС на социально-экономическую и политическую динамику в Евросоюзе и росте влияния ЕП в системе институтов ЕС. С другой стороны, итоги выборов дали много материала для анализа партийно-политических процессов в странах ЕС. Ряд работ был посвящён исследованию расклада сил перед выборами [European Parliament, 2019; По-

© *Кавешников Николай Юрьевич* – к.полит.н., заведующий кафедрой интеграционных процессов МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76. **E-mail:** n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020163175>

темкина, 2018; Швейцер, 2019]. Общие итоги выборов, их влияние на состав и позиции политических групп в ЕП были исследованы в масштабных монографиях и статьях [De Sio et al, 2019; Выборы в Европарламент..., 2019; Гуселетов, 2019]. На основе прогноза результатов выборов были затронуты некоторые возможные последствия выборов для будущего ЕП [Стрежнева, Моисеева, 2019].

В данной работе проведён комплексный анализ основных характеристик формирующегося партийно-политического пространства Евросоюза. Выявлены основные параметры, по которым проходит его нарастающая фрагментация. Сделан вывод, что в Европарламенте возникло двумерное пространство политической самоидентификации: классическая право-левая ось дополнена полностью сформированной осью “сторонники углубления интеграции – евроскептики”. Исследовано, каким образом эволюция политического пространства ЕС влияет на консенсусную культуру и паттерны межпартийного взаимодействия в ЕП, а также на роль ЕП в системе институтов ЕС.

Политическое пространство Евросоюза

Вплоть до конца 2000-х гг. выборы в Европарламент характеризовались как второстепенные. Первые признаки изменения отношения к выборам в ЕП наблюдались в 2014 г. Кардинальные перемены произошли в 2019 г.: выборы вместо традиционно скучного голосования превратились в “битву” за будущее ЕС. Избирательная кампания была построена на дихотомии – “больше” или “меньше” Евросоюза. Предвыборная дискуссия концентрировалась не на вопросах внутренней политики, а на общеевропейской повестке дня. Это мгновенно отразилось на явке избирателей – она выросла до 51%

Это свидетельство нового этапа *политизации Евросоюза*. Уже давно деятельность ЕС являлась важным фактором, формирующим не только экономическую, но и политическую ситуацию в странах-членах. В настоящее время все активнее *идёт процесс формирования общего партийно-политического пространства ЕС*: национальные политические акторы формируют все более плотную сеть взаимодействия и общее пространство политического дискурса.

Исторически разделение на правых и левых в ЕП не было столь важным, как на национальном уровне. Сегодня для того чтобы охарактеризовать позицию какой-либо партии, уже совершенно недостаточно этой оси; необходим многомерный анализ. При этом члены каждой из политических групп ЕП¹, объединяясь на основе схожих взглядов по одному из возможных параметров, вынуждены мириться с различиями по другим параметрам. Это ослабляет согласованность действий политических групп, а в некоторых случаях даже угрожает их стабильности.

К примеру, с 1990-х гг. зелёные в ЕП распределены между двумя политическими группами: зелёные З/ЕСА и крайне левые ЕОЛ/ЛЗС. На левом фланге ЕП сохраняются принципиальные разногласия между сторонниками углубления инте-

¹ Политические группы ЕП созыва 2019–2024 гг.: Европейская народная партия (ЕНП), Прогрессивный альянс социалистов и демократов (ПАСД), “Обновляя Европу” (ОЕ), Зелёные – Европейский свободный альянс (З-ЕСА), “Идентичность и демократия” (ИД), Европейские консерваторы и реформисты (ЕКР) и Европейские объединённые левые – Левые зелёные Севера (ЕОЛ-ЛЗС).

грации (большинство ПАСД, З/ЕСА) и последовательными критиками ЕС (ЕОЛ/ЛЗС). В самом ПАСД единство группы подрывают различия во взглядах на реформу Еврозоны, миграционную политику и идею общей оборонной политики [Гуселетов, 2019: 89]. Созданная в 2019 г. группа “Обновляя Европу” объединила сторонников углубления интеграции – классических либералов из АЛДЕ и макронистов из французского “На марше”, – но последние отнюдь не симпатизируют идеям экономического либерализма.

Анализ поведения движения “Пять звёзд” (ПЗ) в ЕП позволяет лучше понять многомерность современного партийно-политического ландшафта ЕС. ПЗ – это популистская антиэлитарная партия. Она разделяет евроскептические взгляды, отвержена лозунгам социальной справедливости и поддерживает зелёную повестку. В Европарламенте созыва 2014–2019 гг. ПЗ вместе с правоконсервативной ЮКИП входила в ЕСПД – группу радикальных евроскептиков, хотя их взгляды на социальную политику были противоположны. При этом депутаты ПЗ чаще голосовали одинаково с З/ЕСА, а не с партнёрами по группе [Иликова, 2019]. В нынешнем созыве Европарламента ПЗ не захотела объединяться с радикальными евроскептиками, поскольку одной из ключевых партий в ИД стала итальянская Лига. Отношения между этими партиями испортились после распада коалиционного правительства Италии осенью 2019 г. ПЗ вели переговоры с альянсом либералов, но соглашение не состоялось, поскольку для ПЗ либералы чрезмерно проинтеграционны. В итоге 14 депутатов от “Пяти звёзд” оказались в числе неприсоединившихся.

Налицо рост фрагментированности партийно-политического пространства Евросоюза. Это проявляется, в частности, в сокращении влияния центристских партий. При этом чрезвычайно важно, что потерянные центристами голоса не достались другим классическим партиям. Усилили свои позиции зелёные, резко вырвались вперед популисты (не только правые, но и левые), заметны успехи суверенистов. Динамику состава Европарламента за последние 20 лет и итоги выборов 2019 г. см. на рисунке 1.

Серьёзный вызов для классических правых и левых партий – появление новых, зачастую внесистемных политических сил и рост привлекательности давно существующих популистских партий. С трудом различая партии правого и левого центра и потеряв веру в их способность справиться с актуальными вызовами, избиратели отказываются от поддержки партий мейнстрима. Обращаясь к популистским проектам, избиратели находят “блюдо” на любой вкус. Ведь популизм — это пустая (*thin centered*) идеология, с помощью которой можно продвигать самый различный набор идей [Taggart, 2004]. Крайне правые и крайне левые популистские партии при всем разнообразии имеют общие черты: критика истеблишмента, радикальные взгляды и зачастую персоналистский характер, антиглобализм и евроскептицизм [Тэвдой-Бурмули, 2018; Шибкова, 2019; Осколков, Тэвдой-Бурмули, 2018].

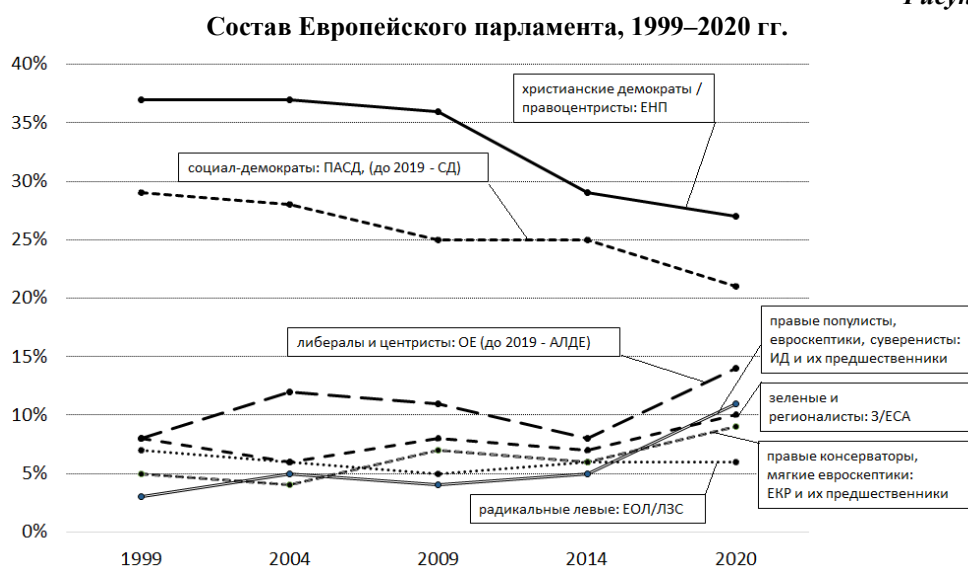
Ранее фрагментация партийно-политического пространства Европарламента выражалась лишь в ослаблении право-левой оси как параметра политической самоидентификации. Но иные параметры не могли быть использованы в качестве второй оси, поскольку касались частных вопросов (например, зелёная повестка). Один из итогов выборов 2019 г. заключался в том, что сформировалась вторая полноценная ось, определяющая политическую самоидентификацию. Но прежде чем обратиться к этому вопросу, необходимо проанализировать последствия правого поворота.

Правый поворот и размывание консенсусной культуры в ЕП

В большинстве стран Европы *усилили свои позиции крайне правые и правопопулистские партии*. Термин “крайне правые” в данном случае следует использовать с осторожностью. Хотя политики мейнстрима пытаются представить их чуть ли не как неонацистов, это полноценные партии, нацеленные на политическую борьбу в рамках существующих институтов. В дальнейшем для обозначения этих партий мы будем использовать термин “правые популисты”, понимая, что он не всегда чётко отражает специфику сильно различающихся партий этой группы.

На выборах 2019 г. правые консерваторы (ЕКР) и правые популисты (ИД) добились очень большого успеха. ИД объединила 76 депутатов из 10 стран ЕС, став четвёртой по численности группой в ЕП. В сумме ИД и ЕКР имеют более 140 мест (без учёта ушедших из ЕС британцев), что составляет 20% депутатского корпуса (см. Рис. 1).

Рисунок 1.

Источник: данные Европейского парламента.

Сдвиг предпочтений электората подтолкнул вправо консервативные и христианско-демократические партии. Стремясь сохранить свои электоральные позиции, они начинают использовать ранее табуированную риторику, пересматривают позицию по наиболее чувствительным для избирателей вопросам, прежде всего свое отношение к иммигрантам. Первыми по этому пути пошли британские консерваторы [Шеин, 2020: 38; Кавешников, Доманов, 2018]. В последние годы характерным примером стала эволюция германской ХДС/ХСС, правое крыло которой начинает “бороться за избирателя на правом фланге и требовать от канцлера изменений политического курса” [Тимошенкова, 2018: 60].

В свою очередь правопопулистские партии стремятся стать “рукопожатными”. На национальном уровне многим из правопопулистов удалось преодолеть отторжение со стороны партий мейнстрима. Австрийская народная партия ещё в 1990-х гг. во-

шла в правительственную коалицию. Опыт участия в коалиционных правительствах за последние пять лет есть у правых популистов Италии, Финляндия и Австрии. В ряде стран, например, в Бельгии и Нидерландах, они десятилетиями работают в региональных органах власти. Многие жёсткие евроскептики трансформировались в “мягких”. Они требуют уже не выхода из ЕС, а его частичной декоммунитаризации, возвращения некоторых полномочий на национальный уровень. Они рассматривают институты ЕС как удобную площадку для достижения своих политических целей. Реакцией на рост влияния правых популистов стала идея “санитарного кордона”, выстроенного чтобы не допустить их в органы управления ЕП, в частности, на посты вице-председателей ЕП, председателей и вице-председателей комитетов.

“Санитарный кордон” попытались использовать против членов правящих партий Польши (ПиС), Венгрии (Фидес) и испанской партии “Голос”, входящих в группы ЕКР и ЕНП (!). Несколько председателей этих партий не получили зарезервированные для них посты вице-председателей комитетов ЕП. Однако “санитарный кордон” сработал не полностью. Некоторые члены этих партий преодолели сопротивление и стали вице-председателями комитетов ЕП.

В то время как “санитарный кордон” против ИД поддержали все четыре “про-европейские” настроенные группы, кордон против отдельных партий ПАСД, ОЕ и З/ЕСА пытались реализовать при сопротивлении ЕНП. Это и неудивительно, ведь те, кого пытались заблокировать, были депутатами из ЕНП и близкой к ней ЕКР. Это поставило успешность предложенных мер в зависимость от политического и национального баланса внутри отдельных комитетов, а также личных качеств предложенных кандидатов.

Ряд экспертов также отмечали, что кордон “противоречит принципам и правилам Европарламента и не может считаться демократичным” [Бабынина, 2019: 73]. Традиционно считалось, что ЕП не разделяется на правящее большинство и оппозицию. Однако описываемые события ставят под вопрос справедливость этого тезиса. Последние 40 лет подавляющее большинство членов ЕП входило в “правящее большинство”, объединенное приверженностью к углублению интеграции либо, как минимум, согласием с достигнутым уровнем интеграции. Члены этого “правящего проинтеграционного большинства” придерживались кооперативных практик в отношении друг с другом, и даже могли себе позволить кооперативные практики в отношении малочисленного “меньшинства” евроскептиков. Однако, когда меньшинство выросло количественно, большинство, пренебрегая собственными идеалами, обратилась к практикам мажоритарной демократии, в логике которой победитель получает все и вправе пренебрегать мнением меньшинств.

Анализируя практику использования “санитарного кордона”, следует обратить внимание на два момента. Во-первых, декларируя необходимость изоляции “крайне правых” (т.е. правых популистов), большинство фактически пыталось изолировать евроскептиков и противников либеральной демократии. Даже французское Национальное объединение и итальянская Лига являются парламентскими партиями, а не ультраправыми¹. А уж консерваторы из польской “Право и справедливость” и венгерской Фидес явно были наказаны за жёсткое неприятие некоторых решений

¹ К числу ультраправых можно отнести, например, венгерский “Йоббик” и греческую “Золотую зарю”, членов которых не приняли в ИД; эти депутаты входят в число независимых.

брюссельских институтов, авторитаризм во внутренней политике и нежелание подчинять внутреннюю политику требованиям, вытекающим из мейнстримного западноевропейского понимания принципов демократии.

Во-вторых, попытка применить “санитарный кордон” в отношении не только ИД, но и отдельных партий, превратила его из общей политики большинства в средство межфракционной борьбы. Это существенно подорвало его легитимность, а также показало пределы применения.

Стратегия “санитарного кордона” может быть эффективна в отношении маргинальных движений. Однако партии с существенной электоральной поддержкой изолировать сложно. В условиях фрагментированных политических систем на национальном и региональном уровне их голос становится важным для образования коалиций (Италия, Австрия) и *ad hoc* союзов. В этой связи характерны события волеизъявления премьер-министра Тюрингии, когда системные партии пошли на “вынужденную кооперацию” с правопопулистами [Белов, 2020]¹.

На уровне ЕС стратегия санитарного кордона несет значительные риски. Голоса правых популистов могут быть критически востребованы, чтобы обеспечить большинство по отдельным вопросам. Но ещё большие риски возникают в контексте взаимодействия общеевропейского и национального уровня. Можно попытаться изолировать итальянскую Лигу в ЕП, но нельзя изолировать Италию, где Лига недавно была одним из двух ведущих партнёров по коалиции. Можно попытаться наказать польскую ПиС за проведение антидемократических реформ, но ПиС – это правящая партия в Варшаве. Попытки ввести санкции против Польши за “серьёзное и систематическое нарушение демократических ценностей” на основании ст. 7 ДЕС в современной ситуации обречены на провал. В Западной Европе передача премьер-министру Венгрии для борьбы с эпидемией коронавируса на неограниченный срок “диктаторских” полномочий вызвала бурю возмущения: “Если бы Венгрия сейчас была страной-кандидатом, то её ни за что бы не приняли в ЕС” [Ash, 2020]. Если уважаемая ЕНП наконец исключит венгерскую Фидес из своих рядов, возможности ЕС оказать влияние на Будапешт останутся ограниченными.

В ситуации усиления влияния правоконсерваторов и правопопулистов, основанного на устойчивой электоральной поддержке, более рациональной представляется стратегия кооптации. Это позволит сохранить рабочие отношения в Совете ЕС, что является условием *sine qua non* эффективности Евросоюза. Кооптация – лучший способ дерадикализовать политических новичков. Однако для этого брюссельскому истеблишменту и части политиков стран Западной Европы придётся пересмотреть свой догматический подход к либеральным ценностям, найти новый баланс между правами индивида и правами групп (меньшинств), между так называемым “либерализмом-I” и “либерализмом-II” [Ostendorf, 2002].

Новые паттерны межпартийного взаимодействия

Усиление националистических, суверенистских и в более широком смысле евроскептических сил в Европе привело к тому, что в *Европарламенте сформирова-*

¹ Это вызвало конфликт на федеральном уровне и уже в марте в Тюрингии было сформировано правительство меньшинства без поддержки АдГ.

лась полноценная ось сторонников углубления интеграции и евроскептиков, которая дополнила классическую ось правые-левые.

И раньше поведение депутатов ЕП пытались интерпретировать на основе системы координат, задаваемых этими двумя осями [Nix and Noury, 2009]. Однако вплоть до начала 2010-х гг. в Европарламенте существовал широкий консенсус в поддержку интеграционного строительства; различия касались деталей. Влияние евроскептиков на деятельность ЕП было маргинальным.

Сегодня значительное число депутатов ЕП полагает необходимым частичную декоммунитаризацию отдельных политик и ставит под вопрос сложившийся порядок взаимодействия национального и общеевропейского уровней управления¹. Правые консерваторы (ЕКР) и правые популисты (ИД) в сумме имеют около 140 мест в ЕП. На левом фланге группа ЕОЛ / ЛЗС (40 мандатов) все больше дрейфует в сторону евроскептицизма, сейчас в нее входят такие партии как испанская Подемос и греческая Сириза. Умеренные евроскептики есть и в рядах центристских ЕНП и ПАСД, а также среди независимых. Таким образом общее число мягких евроскептиков в ЕП составляет 200–220 депутатов, то есть около 30%. При всём их разнообразии по некоторым аспектам деятельности ЕС они имеют близкие взгляды, например, негативно относятся к иммигрантам и попыткам институтов ЕС навязать странам-членам жёсткую бюджетную дисциплину.

Оценка потенциала евроскептиков подтверждается результатами голосования в ходе избрания Давида Сассоли на пост председателя ЕП. За альтернативных кандидатов было подано 203 голоса (за чешского консерватора – 160, за испанского депутата от левых радикалов – 43). При списочном составе ЕП в 750 депутатов в голосовании по этому вопросу первостепенной важности участвовали всего 667 депутатов. Таким образом евроскептики составили 30% от участников голосования. Это означает, что 70% депутатов в той или иной степени поддерживают идеи как минимум сохранения достигнутого уровня интеграции; часть из них последовательно выступает за усиление коммунитарных элементов в ЕС.

Это “проинтеграционное большинство” состоит из четырёх групп: большой коалиции ПАСД-ОЕ-ЕНП и примыкающих к ним зелёных из 3-ЕСА. Наиболее проинтеграционной группой является “Обновляя Европу”, группа либерал-демократов с новым ядром из депутатов французской “Вперёд, Республика”. В ЕНП есть некоторое число умеренных евроскептиков, да и у социал-демократов существуют определенные внутренние различия. Что касается 3-ЕСА, то для неё зелёная повестка является безусловным приоритетом. Ради этого она готова демонстрировать несогласие с проинтеграционным большинством.

Однако широкое проинтеграционное большинство недостаточно устойчиво. Давид Сассоли был избран председателем ЕП с очень небольшим перевесом голосов: за него проголосовало 345 (необходимый минимум – 334). При этом зелёные выставили своего кандидата, за которого проголосовали 119 депутатов: к 3/ЕСА присоединилась треть социал-демократов. Испытанием для проинтеграционного большинства стало и утверждение Урсулы фон дер Ляйен. При необходимости набрать

¹ При этом жёстких евроскептиков, требующих выхода из ЕС, стало даже меньше. Пример Великобритании показал, что подобное решение несёт критические риски даже для крупной европейской державы.

абсолютное большинство в 374 голоса, за её кандидатуру проголосовали 383 депутата, против – 327, воздержались 22. Таким образом она набрала лишь девять голосов сверх необходимого большинства. За избрание фон дер Ляйен солидарно голосовали ЕНП и ОЕ. Треть социал-демократов опять проголосовала против. Зелёные из 3-ЕСА солидарно проголосовали против, поддержав левых и правых евроскептиков. Таким образом проинтеграционное большинство в 70% в некоторых случаях сокращается до чуть более 50% депутатов ЕП.

Радикальные изменения в партийно-политическом ландшафте Европы приведут к *пересмотру сложившейся практики межпартийного взаимодействия Европарламента; существенно вырастет роль гибких ad hoc коалиций по конкретным вопросам.*

На рис. 2.1 и 2.2 показаны возможные коалиции в ЕП и их способность обеспечить принятие решений. Расчёт сделан из предположения, что партийные группы голосуют солидарно. Это не всегда так. Солидарность голосования внутри групп составляет 70-80%, в остальных случаях группа раскалывается [Nix and Noury, 2009]. Следует помнить, что в законодательном и бюджетном процессе Европарламент может отстоять свою позицию перед лицом Совета ЕС и Комиссии, если принимает решения абсолютным большинством (50% + 1 голос от списочного состава). Дисциплина среди депутатов не высока; уровень участия в голосовании в среднем составляет 75% [Nix, 2000].

Как видно из рисунка 2.1, в созыве 1999–2004 гг. простое большинство могли собрать практически все коалиции: левоцентристы, правоцентристы, правые (“свободный рынок”). Лишь только для левых, объединённых идеями “социального Евросоюза”, требовалась мобилизация выше обычной. Однако ни одна из этих коалиций не могла обеспечить абсолютное большинство: для этого требовалась полная мобилизация депутатов на голосование, что на практике недостижимо. Абсолютное большинство надёжно достигалось лишь за счёт “дуумвирата”: совместного голосования двух наиболее многочисленных центристских групп (ЕНП и СД). Солидарно с ними очень часто голосовали либералы (большая коалиция). Указанный расклад сил стал предпосылкой формирования устойчивого партнёрства христианских демократов и социал-демократов.

Рис. 2.2 демонстрирует состав ЕП в настоящее время. Большинство изменений уже были проанализированы ранее. Европарламент стал более фрагментированным: способность основных коалиций – левоцентристы, правоцентристы, “свободный рынок” – обеспечить даже простое большинство уменьшилась. Об абсолютном большинстве не идёт и речи.

Произошедший сдвиг вправо ослабил коалицию за “социальный Евросоюз” и это, не говоря уже о меняющихся балансах на уровне стран-членов, ставит под вопрос способность ЕС остановить деконструкцию социального государства в Европе. Однако сдвиг вправо не привёл к усилению коалиции “свободного рынка”, поскольку значительная часть новых правых – это представители антисистемных и правопопулистских партий. Они разделяют “правые” идеи в политике (например, миграционной), но не поддерживают “правые” ценности в экономике.

В основе их экономических взглядов не конкуренция и свободный рынок, а возврат контроля над национальной экономикой и защита граждан от “жирных котлов” транснационального бизнеса.

Рисунок 2.1.

Коалиции в Европарламенте, созыв 1999–2004 гг.

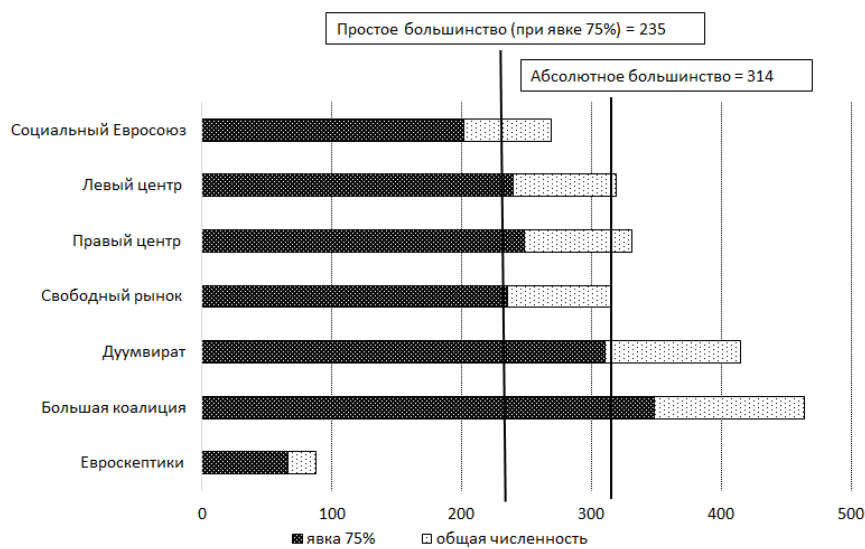
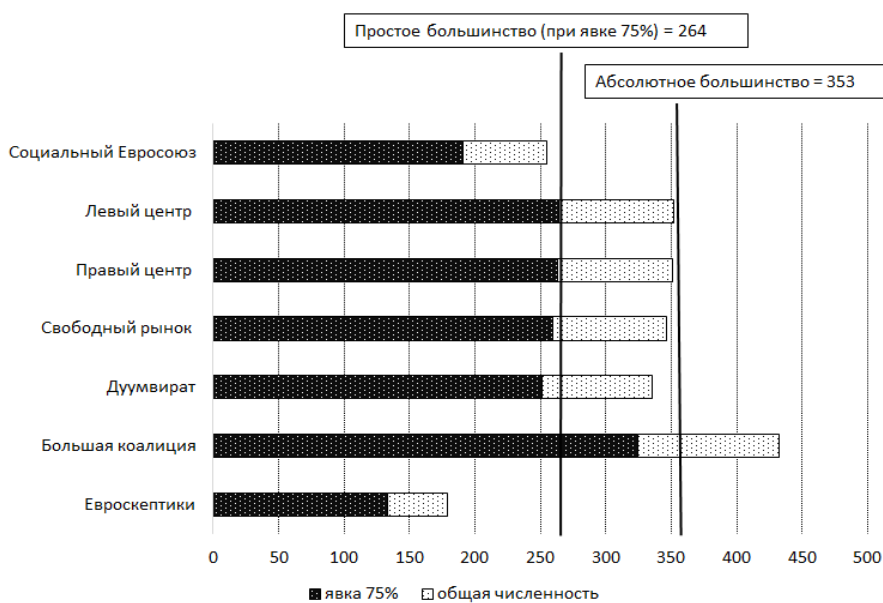

Рисунок 2.2.

Коалиции в Европарламенте, созыв 2019–2024 гг.

Источник: расчеты автора по данным Европейского парламента
 * расчеты по коалициям созыва 2019–2024 гг. даны по итогам брекзита.

“Дуумвират” ЕНП и ПАСД более не способен играть системообразующую роль. Эти две группы уже не составляют даже относительного большинства. Большая коалиция ЕНП + СД + ОЕ способна обеспечить абсолютное большинство лишь при более высокой, чем обычно, степени мобилизации своих членов. Широкое проинтеграционное большинство включает политиков со слишком разными взглядами и потому вряд ли станет основой для рутинной законодательной и политической деятельности ЕП. Нельзя забывать о большой группе евроскептиков (включая депутатов в составе центристских групп), которые способны разрушить *ad hoc* коалиции правых и левых, предусматривающие шаги по коммунитаризации в отдельных аспектах деятельности ЕС. Вместо устойчивого союза центристов всё большую роль в ЕП будут играть различные *ad hoc* коалиции, строящиеся по конкретным вопросам.

* * *

Наиболее значимый аспект политизации ЕС состоит в том, что политические элиты и общественное сознание стран-членов во все большей степени воспринимают комплекс вопросов, связанных с деятельностью ЕС, не как один из аспектов внешней политики, а как один из ключевых элементов внутреннего социально-экономического развития и национальной политики. Это отражает кардинально возросшую степень влияния принимаемых на уровне ЕС решений на ситуацию в странах-членах.

Партийно-политическое пространство Евросоюза формируется как многомерное. Даже классическая право-левая ось фактически разделилась по двум параметрам: политическому (сторонники либеральных и консервативных ценностей) и экономическому (сторонники социально ориентированной экономической политики и экономического либерализма). При этом партия может поддерживать консервативные политические ценности и выступать за усиление роли государства в экономике и развитие социальной политики, и наоборот. Помимо этого сформировались ещё два параметра: партии мейнстрима и популисты; проинтеграционные партии и евроскептики. Часто эти параметры совпадают, но всё же нередки случаи, когда партии мейнстрима разделяют идеи умеренного евроскептицизма, а популисты (особенно автономисты и регионалисты) выступают за углубление интеграции. Наконец есть ряд отдельных тем, которые, в силу своей политической значимости, являются параметрами объединения / размежевания политиков, прежде всего зелёная повестка и миграционная политика.

Сформировалась полноценная ось сторонников углубления интеграции и евроскептиков. Эта ось, наряду с право-левой осью, сегодня создаёт двумерное пространство для политической самоидентификации депутатов ЕП. Прочие параметры самоидентификации являются вспомогательными. Двумерное политическое пространство ЕП способно подорвать стратегию “санитарного кордона” против правых евроскептиков. В поисках ситуативного большинства часть системных сил будет склонна вступать в разовые сделки с правопопулистами. В свою очередь кооптация правопопулистов в постоянный процесс многоуровневых переговоров (внутри групп, между группами, между депутатами и представителями Комиссии и Совета ЕС) будет способствовать их дерадикализации.

Усложнение политического ландшафта в Европе ведёт к большей гибкости в ЕП. Проинтеграционное большинство, безусловно, доминирует, но оно выстроено по принципу “хватай всех”. В законодательном процессе это большинство регулярно будет сталкиваться с риском раскола по осям правой – левой экономической политики, либеральных – консервативных политических ценностей, отношения к зелёной повестке и т.п. В контексте таких размежеваний евроскептические силы могут быть востребованы какой-либо из возникающих ситуативных коалиций. Это, в свою очередь, открывает перед договороспособными евроскептиками возможности влиять на результат законодательного и политического процесса в ЕП. В целом вместо устойчивых союзов в Европарламенте всё большую роль будут играть различные *ad hoc* коалиции в зависимости от обсуждаемого вопроса: левые – правые, системные партии – популистские партии, еврооптимисты – евроскептики.

Снижившаяся способность ЕП выработать общую позицию вероятнее всего приведёт к усилению в ЕС роли межправительственных форматов и отдельных стран. Кроме того, с учетом нового баланса сил ЕП вряд ли сможет играть традиционную роль самого проинтеграционного института ЕС. Ранее ЕП обычно настаивал на максимально возможной коммунитаризации. Позиция ЕП создавала ощутимое давление на Совет ЕС в ходе законодательного процесса и формировала политический дискурс, который вынуждены были принимать во внимание государства-члены. Теперь давление со стороны ЕП будет меньше, что, в свою очередь, ослабит позиции проинтеграционно настроенных стран ЕС при взаимодействии в различных межправительственных форматах.

Список литературы

- Бабынина Л.О. (2019) Влияние брекзита на фракционную структуру Европейского парламента, *Современная Европа*, №5, с. 68–77.
- Белов В. (2020) Тюрингия: новое политическое землетрясение в Германии. *Аналитическая записка №1*, (№184).
- Выборы в Европарламент – 2019. (2019) Национальные ответы на вызовы европейской интеграции. / Под ред. Ю.Д. Квашнина и др. ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, Москва, Россия.
- Гуселетов Б. (2019) Руководство Евросоюза: изменения по итогам выборов в Европарламент, *Современная Европа*, №6, с. 85–94.
- Иликова Л. (2019) “Движение пяти звёзд”: из блога в правительство Италии, *Современная Европа*, №4, с. 129–139.
- Кавешников Н., Доманов А. (2018) Методика оценки евроскептических настроений, *Международные процессы*, том 16, № 1 (52), с. 80–89.
- Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. (2018) Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала, *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, № 3, с. 19–33.
- Потемкина О. (2018) Европейский парламент 2019: подготовка к выборам, *Современная Европа*, № 4, с. 35–45.
- Потемкина О. (2020) Европейский союз в поисках идеальной системы управления. *Аналитическая записка №3*, (№186).
- Стрежнева М., Моисеева Д. (2019) После выборов: пределы роста влияния евроскептиков, *Мировая экономика и международные отношения*, том 63, № 7, с. 5–15.
- Тимошенкова Е.П. (2018) “Альтернатива для Германии” в бундестаге: поворот ФРГ вправо, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, №3, с. 54–62.

Тэвдой-Бурмули А.И. (2018) Этнополитическая динамика Европейского Союза. Аспект пресс, Москва, Россия, 224 с.

Швейцер В. (2019) Выборы 2019 г. в Европейский парламент: партийно-политическая панорама, *Современная Европа*, № 1, с. 38–47.

Шейн С. (2020) Роль консерватизма в развитии правого популизма в Европе (Случай Соединенного Королевства), *Мировая экономика и международные отношения*, том 64, № 2, с. 34–41.

Шибкова М. (2019) Популизм и евроскептицизм: соотношение понятий, *Современная Европа*, №4, с. 119–128.

References

Ash T.G. (2020) The EU can emerge stronger from the pandemic if Merkel seizes the moment. *The Guardian*, 6 April 2020. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/06/eu-stronger-pandemic-merkel-dictatorship-germany-coronavirus> Accessed 10.04.2020.

Babynina L. (2019) 'Vliyaniye brekzita na fraktsionnyuyu strukturu Evropeiskogo parlamenta [The Impact of Brexit on the European Parliament Political Groups]', *Sovremennaya Evropa*, no. 5, pp. 68–77.

Belov V. (2020) 'Tyuringiya: novoe politicheskoe zemletryasenie v Germanii [Thuringia: a new political earthquake in Germany]'. *Analiticheskaya zapiska №1*, (№184).

De Sio L., Franklin M., Russo L. (Eds). (2019) The European Parliament Elections of 2019. Luiss University Press, 283 p.

European Parliament (2019). European Elections 2019. Report on the Developments in the Political Landscape. 18 February 2019. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/beheard/eurobarometer/2019/political-landscapedevelopments/en-ee19-national-report-18february-2019.pdf> Accessed 10.04.2020.

Guseletov B. (2019) 'Rukovodstvo Evrosoyuzha: izmeneniya po itogam vyborov v Evroparlament [The EU Leadership: Changes in the aftermath of Europarliament Elections]', *Sovremennaya Evropa*, no 6, pp. 85–94.

Hix S. (2000) Parliamentary Oversight of Executive Power: What Role for the European Parliament in Comitology in Christiansen T. and Kirchner E. (eds) *Committee Governance in the European Union*, Manchester University Press, pp. 62–78.

Hix Simon and Noury Abdul. After Enlargement: Voting Patterns in the Sixth European Parliament, *Legislative Studies Quarterly*, XXXIV, 2, pp. 159–174.

Ilikova L. (2019) "Dvizhenie pyati zvezd": iz bloga v pravitel'stvo Italii [The Five Star Movement: From a Blog to Italian Government]', *Sovremennaya Evropa*, no. №4, s. 129–139.

Kaveshnikov N., Domanov A. (2018) Metodika otsenki evroskepticheskikh nastroyeni [Method for Appraising Euroscepticism. The Record of UK Political Parties], *Mezhdunarodnye protsessy*, tom 16, № 1 (52), pp. 80–89/

Oskolkov P.V., Tehvdoi-Burmuli A.I. (2018) 'Evropeiskii pravyy populizm i natsionalizm: k voprosu o sootnoshenii funktsionala [European right-wing populism and nationalism: on the question of the functional correlation]', *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, no 3, pp. 19–33.

Ostendorf B. (2002) The paradox of tolerance in *The end of tolerance?* London, Brealey publ., pp. 121–131.

Potemkina O. (2018) 'Evropeiskii parlament 2019: podgotovka k vyboram [European Parliament 2019: preparing for elections]', *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 35–45.

Potemkina O. (2020) 'Evropeiskii soyuz v poiskakh ideal'noi sistemy upravleniya [European Union is in search of an ideal management system]'. *Analiticheskaya zapiska №3*, (№186).

Shein S. (2020) 'Rol konservativizma v razvitiy pravogo populizma v Evrope (Sluchai Soedinennogo Korolevstva) [The Role of Conservatism in the Development of Right -Wing Populism in Europe: The UK Case]', *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, tom 64, no 2, pp. 34–41.

Shibkova M. (2019) 'Populizm i evroskeptitsizm: sootnoshenie ponyatii [Populism and Euroscepticism: Correlation of Notions]', *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 119–128.

Shveitser V. (2019) 'Vyborny 2019 g. v Evropeiskii parlament: partiino-politicheskaya panorama [European Parliament elections 2019: party and political panorama]', *Sovremennaya Evropa*, no. 1, pp. 38–47.

Strezhneva M., Moiseeva D. (2019) 'Posle vyborov: predely rosta vliyaniya evroskeptikov [After the Elections: The Limits to Growth of Political Influence of Eurosceptics]', *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, tom 63, no. 7, pp. 5–15.

Taggart P. (2004) Populism and representative politics in contemporary Europe. *Journal of Political Ideologies*, vol. 9, no. 3, pp. 269–288.

Tehvdoi-Burmuli A.I. (2018) 'Ehtnopoliticheskaya dinamika Evropeiskogo Soyuz [Ethno-political dynamics of the European Union]'. Aspekt press, Moscow, Russia, 224 p.

Timoshenkova E.P. (2018) 'Alternativa dlya Germanii v bundestage: povorot FRG vpravo [“Alternative for Germany” in the Bundestag: Germany's turn to the right]', *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 3, pp. 54–62.

Vybory v Evroparlament – 2019. (2019) Natsional'nye otvety na vyzovy evropeiskoi integratsii. [European Parliament elections - 2019. National responses to the challenges of European integration] Ed by Yu. D. Kvashnin et al. IMEMO RAN, IE RAN, Moscow, Russia.

Transformation of Party and Political Space of the European Union and Its Influence on the Organization and Functioning of the European Parliament

Author: Kaveshnikov N., Head of Department of Integration Studies, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs (MGIMO University). **Address:** 76 pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation; Leading Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3 Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru

Abstract. The article explores transformation of EU party-political space and the changing patterns of inter-parliamentary interaction in the European Parliament after 2019 EP elections. The article explores basic characteristics of EU party-political space. It concludes that a two-dimensional space of political self identification has emerged in the European Parliament: the classical right-left axis is supplemented by a properly formed axis “supporters of deeper integration – eurosceptics”. It demonstrates that the formation of a stable axis “supporters of deeper integration – eurosceptics” leads to the erosion of the traditional consensus culture in the EP. The more complex EP political landscape leads to greater flexibility. Instead of stable unions, various ad hoc issue driven coalitions will play an increasing role in the EP. Given the new balance of power between pro-integration and eurosceptic parties, the European Parliament is unlikely to be able to play the traditional role of the EU's most pro-integration institution; its ability to influence the legislative and political process in the EU will decrease.

Key words: European Union, European Parliament, political parties, elections, functioning of the European Parliament, parties' interaction, coalitions in the European Parliament.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020163175>